

УДК 821.161.1-94  
ББК 84(2Рос=Рус)6-44  
П 60

Дизайн обложки *Григория Калугина*

Автор-составитель *Евгений Чигрин*

Автор предисловия *Валерий Попов*

На переплете – фото работы *Юрия Роста*

В оформлении книги использованы фотоработы М. Волковой, Д. Конрадта, Л. Лиманца, В. Плотникова, Ю. Роста, а также фотографии из фондов Государственного музея А.С. Пушкина, агентства «Фотолур» и личных архивов В. Абдрашитова, Ю. Алешковского, Ю. Беляева, З. Богуславской, Е. Варкан, А. Гениса, А. Городницкого, М. Гуреева, В. Ерофеева, И. Ефимова, К. Зейтунян-Белоус, Ю. Кублановского, М. Кудимовой, В. Куллэ, А. Кушнера, Ю. Медведевой, Б. Мессерера, О. Николаевой, С. Соловьёва, А. Ткаченко, Е. Турчаниновой, Е. Чигрина, О. Чухонцева, С. Шаргунова

П60 Портрет поздней империи : Андрей Битов / Авт.-сост. Евгений Чигрин; предисл. Валерия Попова. — М. : Издательство АСТ, 2020. — 352 с., ил. — (Большая биография)

ISBN 978-5-17-119370-6

Эпоха, в которую жил Андрей Битов...

Это и годы оттепели – время надежд, яркое вхождение в литературу, и период «застоя», когда главный роман «Пушкинский дом» можно было прочесть только в самиздате. И перестройка, и бурные 1990-е, и преобразования в стране – иное дыхание, изменения в жизни и творчестве. Писатель-интеллектуал, уникальный собеседник – его афористичные мудрые фразы моментально разлетались по друзьям и знакомым, запоминались читателям. О том, что такое «эпоха Битова», а также о своем общении с писателем, ставшим классиком русской литературы, рассказывают в этой книге прозаики, поэты, журналисты, кинорежиссеры, актеры театра и кино. Среди них Дмитрий Быков, Соломон Волков, Александр Генис, Александр Кушнер, Сергей Соловьёв, Вадим Абдрашитов, Юрий Беляев и многие другие.

УДК 821.161.1-94  
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-119370-6

© В. Попов, предисловие, 2020

© ООО «Издательство АСТ», 2020

## ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

Книгу, посвященную памяти крупнейшего русского писателя Андрея Георгиевича Битова (1937–2018), составили эссе о его личности и творчестве, воспоминания, написанные по просьбе составителя именно для этого издания. Они воссоздают портрет прозаика и человека с мировым именем. Уже при жизни Битов считался культовым писателем благодаря известному роману «Пушкинский дом». Он автор многих книг прозы и эссеистики. Его повесть «Уроки Армении» и другие произведения воспринимались как огромные события. Безусловным этическим ориентиром для Битова в жизни и искусстве был Александр Сергеевич Пушкин, которому он посвятил книги «Вычитание зайца», «Предположение жить», «Метаморфоза», «Арион. От Михайловского до Болдинской осени» и другие.

Среди авторов сборника – прозаики, поэты, журналисты, кинорежиссеры, актеры театра и кино. Это такие имена как Вадим Абдрашитов, Андрей Арьев, Дмитрий Быков, Зоя Богуславская, Соломон Волков, Александр Генис, Виктор Ерофеев, Игорь Ефимов, Юрий Кублановский, Александр Кушнер, Борис Мессерер, Валерий Попов, Ирина Роднянская, Сергей Соловьев и многие другие.

В книгу вошли стихотворные посвящения Андрею Битову, написанные в разные годы Владимиром Алейниковым, Беллой Ахмадулиной, Глебом Горбовским, Александром Городницким, Олесей Николаевой, Олегом Хлебниковым, Олегом Чухонцевым и другими.

Завершает памятное издание беседа Сергея Шаргунова с Андреем Битовым, которая целиком ранее не публиковалась.

*Битов открыл новую область исследования, при этом обнаружив абсолютный уровень в слове. Но главное, не в обиду будь сказано другим замечательным писателям, Андрей Битов – умный человек, а это редко бывает. В литературе, мне кажется, умных людей гораздо меньше, чем людей талантливых. Даже читая его не вполне удачные произведения, ты чувствуешь, что общаешься с умным человеком. Это очень лестно для читателя, это просто незаменимо.*

Юрий Карабчиевский

*Роль писателя не стоит преувеличивать. Все, что писатель может сделать, – это отразить мир. Он зеркало. В шестидесятые у меня была страсть к путешествиям. Я путешествовал вполне обдуманно. Меня манило в дорогу. Так начала складываться книга. Зеркало – не зеркало, а некий довольно легкомысленный, но все же портрет поздней империи...*

Андрей Битов

*Чем лучше знал человека, тем трудней написать о нем: одна мысль наползает на другую, одно воспоминание заслоняет другое.*

Александр Кушнер



# ЭПОХА БИТОВА

Андрей Битов, безусловно, был создателем и вождем своей литературной эпохи. Помню его тяжелый взгляд через выпуклые очки. Родившийся в год Быка, он был свиреп, и его боялись, и мало кто рисковал – встать на его пути. Не припомню такого. Блистательную ленинградско-петербургскую культуру, унаследованную от родителей, которых он обожал, Битов соединял с диким темпераментом, доставшимся от каких-то южных предков. Его герои, страдающие петербуржцы, имели мощного автора-покровителя, сделавшего их главными героями эпохи Битова, в которую обязаны были вписаться все, кто хотел или даже не хотел. Несколько десятилетий именно Андрей олицетворял собой единственный достойный путь развития литературы, освободившейся от гнета. Его «Пенелопа», «Пушкинский дом» сразу же становились каноническими, определяющими нашу литературную и интеллектуальную жизнь, – подтверждением чему было огромное количество почитателей, особенно среди интеллигенции, в том числе и зарубежной, вцепившихся в Битова, как в спасательный круг, помогающий им удержаться на поверхности. Знакомство с ним, или соучастие в чем-то, или перевод его книг означал принадлежность к высшему литературному свету. Вот как умели себя поставить «забитые» петербургские интеллигенты – в лице Битова! Множество международных конференций, конгрессов, престижных литературных клубов почита-

ли за честь видеть Битова и слышать его. Он стал, безусловно, знаковой фигурой литературного Петербурга, а потом и мира, для чего ему пришлось переехать в Москву, где до славы ближе, и помотаться потом по свету. Он был неудержим и не знал преград. Под его дудку плясал литературный мир всей Европы. Что в этом настораживало? Вопрос: создал ли он свой бренд — или череду блистательных книг? И не было ли одно с другим в непримиримом противоречии? Больше он «писал себя» — или продвигал? Понятно, что сейчас одно без другого не существует. Но не пострадало ли что-то в этой безумной гонке, не лошнуло ли? Этот вопрос был главной мукой и для самого Битова. Он, конечно, «уничтожал» всех, «заикнувшихся» об этом, да и мало кто тогда заикался, — но сам притом, мне кажется, этим вопросом страдал и ушел не умиротворенным, а скорее — разозленным, и больше — на окружающий мир. Он всегда дул в свой парус с бешеной силой и обогнал по известности всех подающих надежды писателей той поры — и стал первым. Его знали все! Но что ж так «крутило» и постоянно мучило его, почему он все чаще выступал «в нападении»? Его книги, накачанные философией, бешеными страстями (в основном литературными) и интеллектуальными дискурсами, не всем доступные, осилили не все — но почитали все, кроме откровенных невежд, и объявить себя таким — значило опозориться в глазах главного судьи Битова, а также вышколенной им «литературно-издательской среды». Это он умел! Но вопрос остался и обострился теперь: Битов — великое явление или создатель великой литературы? Многие хотели бы сделать его канонем, а некоторые — сокрушить. Думаю, что эта книга воспоминаний, посвященная великому, безусловно, петербуржцу, «накачанная» энергетикой Битова, будет читаться взахлеб. Кончится ли эпоха Битова? Ни за что и никогда! Думаю, еще многие поколения интеллектуалов — или желающих казаться таковыми — будут шествовать под знаменами Битова и никто их не остановит.

*Валерий Попов*

## ВАДИМ АБДРАШИТОВ

Москва

# СВОЙ СЮЖЕТ

Мы познакомились в конце семидесятых, на съемках картины Анатолия Эфроса «В четверг и больше никогда». Андрей был сценаристом. Во время просмотра материала общались, что называется, пунктирно, не более того. А потом двадцать лет проработали в жюри премии «Триумф». Это было особое время, и чем дальше оно уходит, тем отчетливее понимаешь, как это было ценно, во всяком случае для меня. Надеюсь, и для всех нас, собранных умелой рукой координатора проекта Зои Богуславской. Процесс непрерывного общения столь разных людей — а в жюри состояли Володя Васильев с Катей Максимовой, Олег Табаков, Инна Чурикова, Ирина Александровна Антонова, Василий Аксенов, Давид Боровский, Элем Климов — сам по себе уникален. Никакие не обсуждения-заседания, а просто живой разговор, в ходе которого мы знакомились друг с другом, спорили, находили общие точки.

Все держалось на взаимном доверии — мы были чрезвычайно откровенны в своих оценках и суждениях, и это по-человечески очень интересно. Не могу сказать, чем конкретно мне запомнился Битов, мы ведь очень плотно общались, и у



меня осталось очень многое в памяти... Как-то речь зашла о Викторе Астафьеве и в связи с ним о вере как таковой. Андрей сказал, что вера для советского, а потом постсоветского человека — это странная и очень условная категория, но те, кто пришел в то советское время к вере, пришли сами в полном кровном процессе становления, сомнений, постижения. Они-то и стали верующими в самом высоком смысле этого слова. Не благодаря кому-то или чему-то, а вопреки всему. Ясная мысль, и в ней он был не только тысячу раз прав, но и очень глубок. Все то, что он думал о религии, переносил и на творчество. В качестве членов жюри премии «Триумф» приходилось много говорить — перед нами стояла задача отобрать пятерых из семидесяти пяти номинантов. Следовательно, за кадром оставались люди, чья жизнь и творчество тоже обсуждались. Битов употреблял, казалось бы, простой термин «самостоятельность». Само-стояние. Само-достижение. Для него было важно, насколько самостоятельно человек к чему-то пришел. Пусть даже «генетически» совсем не предрасположенный, а дошел самостоятельно. В этом смысле для него образцом был Василий Шукшин. По всем параметрам, по расположению обстоятельств — ну никак не могло его быть, а он смог прийти до творчества. Или Андрей говорил: «Нет, ну это не самостоятельно, это сделано с его учителем...» Не то чтобы плохо, может быть, очень хорошо. Но самостоятельность пребывания в творчестве — литературе, искусстве в самом широком смысле слова, вере была определяющим для него критерием.

Не будучи по натуре многословным, Битов если и говорил, то четко, емко, полновесно. Каждое его высказывание, даже небольшая реплика, оставалось в памяти монологом. Потому что он оперировал серьезными категориями — точно и глубоко.

При внешней суровости подхода он никогда не был тенденциозным или железобетонно принципиальным.

Совсем нет. Просто это была его точка зрения на природу творчества, на природу веры. Было в нем и другое определяющее качество — базовая доброжелательность и искренний интерес к каждому человеку.

Иногда он говорил про себя: «Я мало читаю, мало знаю, в основном пишу...» Все это так, немножко разговоры. И читал много, и знал много, и видел, и очень многое понимал.

Его обращение к Пушкину было чрезвычайно плодотворным в каком-то смысле и для самого Александра Сергеевича. Потому что для многих читателей, которые не то чтобы доверяли Битову, но знали его как писателя, было интересно через него почувствовать если уж не процесс творчества, то хотя бы на каких-то примерах понять движение чувств и мыслей Пушкина. Как бы я отнесся к идее сейчас снять кино по Битову? С большим подозрением. И вот по какой простейшей причине. Уровень художественности, качество его литературы таковы, что нам, кинематографистам, с нашими грубыми руками, лучше держаться от него подальше. Нельзя экранизировать Бунина, Чехова, Платонова. И, конечно, Битова.

Во ВГИКе я давно руковожу мастерской и занимаюсь со студентами режиссурой. Пытаюсь им объяснить, что у литературы и кинематографа разная поэтика. Чем отличается слово от кадра? Рассказ от киноновеллы? Это очень сложное дело. Мы живем в литературоцентричной культуре. Даже великие русские живописцы, за редким исключением, в основном существовали со своими сюжетами в этом пространстве. Битов — человек языковой, не только чувствующий слово, но передающий это чувство читателю. Он улавливает вибрацию магмы слова. И те, кто это понимает, ему бесконечно благодарны.

2019

# ВЛАДИМИР АЛЕЙНИКОВ

Москва – Коктебель

\* \* \*

*Андрею Битову*

Вот осени желтый листок  
его потеряла природа  
и наискось зрит холодок  
блаженного города своды

рассеянно сердце стучит  
уже интонация чище  
желание можно учить  
но женщина это не ищет

с надеждой найдется партнер  
улыбка стекает покато  
и где-то до самых озер  
в крови набухает расплата

и этот летящий гранит  
пронизанный сверху иглою  
подобно органу гремит  
и мысли крепит над водою

доверчива паства твоя  
и чем ненадежнее с нею  
не хочешь в чужие края  
а хочешь остаться темнее

и пусть набирает лады  
подобно равнению ясность  
и Ладоги белые льды  
совсем не похожи на гласность.

*1969*

ЛЕВ АННИНСКИЙ

Москва

## СТРАННЫЙ СТРАННИК

*По обстоятельствам чисто внутренним я чувствовал себя запертым в родном городе и удрал из него...*

*Удрав же, опять оказался в клетке, причем чужой. И своя была все-таки лучше...*

А. Битов. «Уроки Армении»

*Одиночеством веяло из этого квадрата...*

А. Битов. «Птицы»

*...А он, завернувшись в мрачный плащ, покачивался в карете, обдумывая свою далекую и черную, ничем вокруг не подсказанную мысль...*

А. Битов. «Птицы»

Андрей Битов — путешественник, странный во всех смыслах. Прихотливая, причудливая, расслаивающая избирательность его зрения, да и общее психологическое состояние, кажется, мало вяжутся с любопытством к тому, что вокруг и за горизонтом. Мучительное самоуглубление, медленный, западающий в себя взгляд, сама техника письма,

доведенная до зазеркального оборачивания, до умения висеть в вакууме, — все это за сорок лет сделалось чем-то вроде виртуозности, в которой Битову, кажется, уже нет равных, — при чем тут «путешествия»? А ездит!

Положим, в этой литературной традиции он ближе к Лоуренсу Стерну, чем к Жюльо Верну, то есть он больше путешествует по своей душе, чем по параллелям и меридианам. И все-таки без реального странствия тут, похоже, ничего не выйдет. Не реализуется.

Возьмем русские параллели. Чехов, конечно, реализовался бы и без поездки на Сахалин. Гончарову — внутренне — мало что прибавила кругосветка. Писемскому азиатская экспедиция не дала ровно ничего. Поставьте рядом Карамзина, который не нашел бы себя без «Писем русского путешественника», и вы почувствуете, о чем я говорю. Битов, этот изумительный, природой созданный орган самоанализа, не реализовался бы без своих изматывающих путешествий. Они ему жизненно необходимы. Они что-то в нем раскрывают, в его душе, обращающейся вокруг своей оси. Разгадка — в ней, и смысл — в ней же.

Хотя жанр есть жанр: за четверть века странствий при всем том, что «Армения» написана о России», — уже и некоторые «путевые эпизоды», закрепленные битовской рукой, стали своеобразной классикой жанра. Ногтями выцарапанная изнутри скалы церковь в Гехарде... Срезанный сверху 1917 годом хивинский минарет... Пенсне Чехова на бархате под незахвачанным стеклом, тоненько дрожащее от гула машин на Садовом кольце... Все это именно Битовым и именно так вписано в историю нашей души. И это — не что иное, как впечатления неожиданно взглянувшего странника.

Да все-таки странника ли? По внутренней фактуре — созерцатель, методично снимающий оболочку за оболочкой с предмета, как бы навечно закрепленного перед неподвиж-